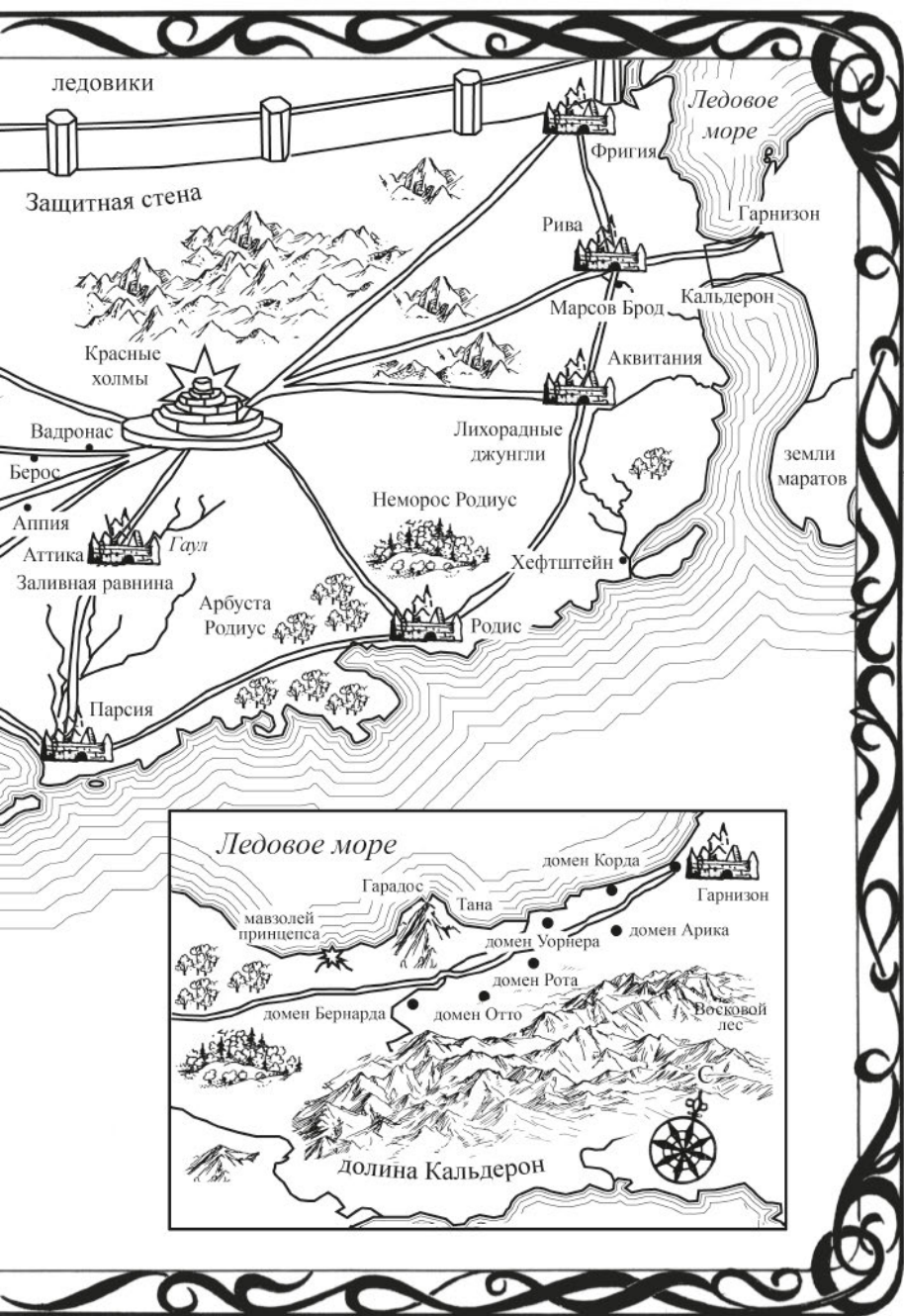

Алерское государство
и варварские земли

Благодарности

Я мог бы поблагодарить очень многих, кто помогал мне в таком крупном проекте, как работа над книгой, но на этот раз я хотел бы поблагодарить только одного человека, который сделал для меня очень многое, не пытаясь получить что-либо взамен.

Спасибо тебе, Шеннон. За все, что ты сделала, хотя многого я просто и не упомяну.

Я не понимаю, как тебе удастся сладить с таким человеком, как я, мой ангел, но надеюсь, ты не прекратишь этого делать.

□□□□ Пролог □□□□

Если начало мудрости лежит в осознании того, что мы ничего не знаем, то начало понимания заключено в осознании того, что все в мире существует, подчиняясь одной-единственной правде: большое состоит из малого.

Капли чернил превращаются в буквы, буквы — в слова, слова образуют предложения, а предложения объединяются, чтобы выразить мысль. Точно так же из семян рождаются растения, а стены строятся из множества камней. То же самое можно сказать и про человечество — традиции и обычаи наших предков, соединяясь вместе, дают начало нашим городам, истории и образу жизни.

Этому закону подчиняется все: будь то мертвый камень, живая плоть или бушующее море; будь то время застоя или события грандиозных масштабов, ярмарочные дни или отчаянные сражения. Большое состоит из малого.

Значение этого закона огромно, хотя и не всегда очевидно.

Из записок Гая Секундуса, Первого консула Алеры

Ветер завывал над пологими, поросшими редкими деревьями холмами земель, принадлежащих маратам. Он гнал перед собой шершавые хлопья снега, и, хотя Единственный летел высоко в небе, тучи скрывали его лицо.

Китай впервые с тех пор, как наступила весна, замерзла. Она повернулась и, прищурившись, посмотрела назад, прикрыв глаза рукой от мокрого снега. Она была в короткой набедренной повязке и поясе, на котором висели нож и охотничья сумка, — и все. Ветер швырял ей в лицо пряди густых белых волос, и их цвет сливался с цветом падающего снега.

— Поторопись! — крикнула она.

В ответ раздалось глухое ворчание, а в следующее мгновение появился гаргант по кличке Ходок. Он был громаден по сравнению со своими сородичами, его рост в холке был равен росту двух мужчин. Его косматая зимняя шкура, густая и черная, защищала его от холода, и он не обращал внимания на снег. Когти, каждый больше алеранской сабли, легко вгрызались в замерзшую землю.

Отец Китаи, Дорога, в набедренной повязке и выцветшей алеранской рубашке красного цвета, сидел на спине гарганта, спокойно покачиваясь на чем-то вроде седла — замысловатой конструкции, сплетенной из веревок, грубо свитых из волос гарганта. Грудь, руки и плечи Дороги были такими мощными, что ему пришлось оторвать от рубашки рукава. Но поскольку он получил рубашку в подарок, выбросить ее было бы невежливо, поэтому он сплел из рукавов веревку и надел ее на лоб, чтобы в глаза не лезли волосы, такие же белые, как у дочери.

— Мы должны спешить, потому что долина может от нас убежать. Наверное, нам следовало остаться с подветренной стороны.

— Если ты думаешь, что это смешно, так ты ошибаешься, — заявила Китаи, наградив сердитым взглядом отца, который решил пошутить.

Дорога улыбнулся, и морщины на его широком квадратном лице стали заметнее. Ухватившись за седельную веревку гарганта, он с ловкостью, неожиданной для его могучего тела, соскользнул на землю. Затем он хлопнул рукой по передней ноге Ходока, и тот мирно улегся, не переставая жевать траву.

Китаи повернулась и прошла вперед, навстречу ветру, и, хотя ее отец не издал ни звука, она знала, что он идет за ней.

Через пару мгновений они достигли края утеса, и их глазам открылся огромный провал, дно которого сплошь поросло деревьями. Снег мешал как следует разглядеть его,

и лишь между порывами ветра удавалось увидеть тропинку, ведущую к основанию утеса.

— Смотри, — сказала она.

Дорога встал рядом и рассеянно обнял дочь за плечи здоровенной ручищей. Китаи ни за что на свете не позволила бы отцу увидеть, что она дрожит, по крайней мере не во время самого обычного снегопада, но она все равно к нему прижалась, безмолвно поблагодарив за тепло. Она наблюдала, как ее отец всматривался вниз, дожидаясь, когда ветер на время стихнет и он сможет рассмотреть место, которое алеранцы называли Восковым лесом.

Китаи закрыла глаза, вспоминая это место. Мертвые деревья в несколько слоев покрывал кроч — густое, вязкое вещество, словно Единственный залил воском множество свечей. Кроч был в провале везде, включая землю и большую часть склонов. Тут и там птицы и животные были запечатаны в нем и лежали не шевелясь, пока не становились мягкими и не распадались на части, точно мясо, сваренное на небольшом огне. Бледные существа размером с собаку, прозрачные, похожие на пауков, со множеством лап, почти невидимые, прятались в кроче, в то время как другие бродили по лесу, безмолвные, быстрые и совершенно чуждые.

Китаи вздрогнула от этого воспоминания, но тут же прикусила губу, заставив себя снова замереть на месте. Она подняла голову и взглянула на отца, но он смотрел вниз и сделал вид, будто ничего не заметил.

На памяти ее народа этот провал никогда не покрывался снегом. Там всегда, даже зимой, было тепло, словно кроч, подобно громадному диковинному зверю, согревал воздух теплом своего тела.

Теперь же в Восковом лесу царили лед и гниение. Старые мертвые деревья были покрыты чем-то коричневым и мерзким, похожим на смолу. Земля замерзла, хотя тут и там виднелись участки сгнившего кроча. Несколько деревьев лежали на земле, а в центре леса упал и развалился курган. От него

исходило столь мерзкое зловоние, что Китаи и ее отец почувствовали его даже на расстоянии.

Дорога еще некоторое время не шевелился, а затем сказал:

— Нам нужно спуститься и выяснить, что произошло.

— Я уже выяснила, — сказала Китаи.

— Делать это в одиночку было глупо, — нахмурившись, сказал ее отец.

— Из нас троих, находящихся здесь, кто чаще остальных спускался вниз и возвращался оттуда живым?

Дорога фыркнул, и его темные глаза потеплели.

— Может, ты и права. — Улыбка погасла, когда ветер и мокрый снег снова скрыли провал от их глаз. — И что ты обнаружила?

— Мертвых Хранителей, — ответила она. — Мертвый кроч. Тепла нет. Ничто не двигается. Хранители превратились в пустые оболочки. Кроч рассыпался в пыль, когда я к нему прикасалась. — Она облизнула губы. — И кое-что еще.

— Что?

— Следы, — тихо ответила она. — Ведущие прочь с дальней стороны. На запад.

— Какие следы? — проворчал Дорога.

Китаи покачала головой:

— Старые. Может, мараты или алеранцы. Рядом с ними я нашла много мертвых Хранителей. Словно они маршировали и умирали один за другим.

— Чудовище направляется в сторону алеранцев! — прорычал Дорога.

Китаи кивнула, и на ее лице появилось беспокойство.

Дорога посмотрел на нее и спросил:

— Что еще?

— Его сумка. Рюкзак, который мальчишка из долины потерял в Восковом лесу во время нашего состязания. Я нашла его на тропе рядом с последними мертвыми пауками, на нем еще оставался его запах. Начался дождь. И я потеряла след.

Лицо Дороги потемнело.

— Мы расскажем хозяину долины Кальдерон. Это может ничего не значить.

— А может значить. Я пойду, — сказала Китаи.

— Нет, — заявил Дорога.

— Но, отец...

— Нет, — повторил он жестче.

— А что, если оно его ищет?

Ее отец помолчал немного, а потом ответил:

— Твой алеранец умный. Быстрый. И в состоянии о себе позаботиться.

— Он маленький. И глупый. И ужасно меня раздражает, — с хмурым видом возразила Китаи.

— Храбрый. Бескорыстный.

— Слабый. У него даже нет колдовства его народа.

— Он спас тебе жизнь, — напомнил ей Дорога.

Китаи нахмурилась еще сильнее:

— Да. Он меня раздражает.

— Даже лев сначала бывает детенышем, — улыбнувшись, сказал Дорога.

— Я могла бы сломать его пополам! — прорычала Китаи.

— Сейчас — возможно.

— Я его презираю.

— Сейчас — возможно.

— Он не имел права.

— Это не ему было решать, — покачав головой, сказал Дорога.

Китаи сложила руки на груди и заявила:

— Я его ненавижу.

— И поэтому хочешь предупредить его об опасности.

Китаи покраснела так сильно, что краска залила ее щеки и шею. Ее отец сделал вид, будто ничего не заметил.

— Сделанного не воротись, — сказал он, повернулся к дочери и положил свою громадную руку на ее щеку, затем наклонил голову, разглядывая ее. — Мне нравятся его глаза, когда он на тебя смотрит. Они точно изумруды. Или молодая трава.

Китаи почувствовала, как на ее глаза наворачиваются слезы. Она закрыла их и поцеловала руку отца:

— Я хотела лошадь.

Дорога громко, раскатисто расхохотался:

— Твоя мать хотела льва, а получила лиса. Она никогда об этом не жалела.

— Я хочу, чтобы это ушло.

Дорога, продолжая обнимать Китаи, зашагал к гаргантю.

— Это не уйдет. Ты должна встать на стражу и наблюдать.

— Я не хочу.

— Так принято у нашего народа, — напомнил ей Дорога.

— Я не хочу.

— Упрямое отродье. Ты останешься здесь до тех пор, пока в голове у тебя не прояснится.

— Я не отродье, отец.

— А ведешь себя именно так. Ты останешься с Сабот-га.

Они подошли к гаргантю, и Дорога без видимого усилия подбросил дочь вверх по седельной веревке.

Китаи забралась на широкую спину Ходока.

— Но, отец...

— Нет, Китаи. — Он устроился позади нее и щелкнул языком. Гаргант спокойно поднялся и начал пятиться по тропе, по которой они сюда пришли. — Тебе запрещено туда идти. Это решено.

Китаи молча ехала, сидя за спиной отца, повернув голову на запад и подставив ветру встревоженное лицо.

Старая рана Майлса болезненно ныла, когда он тяжело спускался по винтовой лестнице в глубины земли под дворцом Первого консула, но он не обращал на нее внимания. Постоянная пульсирующая боль в левом колене занимала его не больше, чем уставшие ноги или натруженные за целый день тяжелых тренировок мышцы плеч и рук. Он о них не думал, и его лицо оставалось холодным и неумолимым, как выдавший виды меч на поясе.

Все это беспокоило его гораздо меньше, чем предстоящий разговор с самым могущественным человеком мира.

Майлс добрался до комнатки у основания лестницы и взглянул на свое искаженное отражение в тщательно отполированном щите, висящем на стене. Он поправил свой красный с синим плащ — это были цвета Коронной гвардии — и попытался пригладить всклокоченные волосы.

Рядом с закрытой дверью на скамейке сидел юноша, почти мальчик, нескладный и долговязый, совсем недавно переставший расти, в слишком коротких брюках и куртке, из которых торчали лодыжки и запястья. Темные волосы падали на лицо, на коленях лежала раскрытая книга. И хотя палец его уткнулся в строку, он явно спал.

Майлс остановился и пробормотал:

— Студент.

Мальчик дернулся, и книга упала на пол. Он выпрямился, заморгал и, заикаясь, пробормотал:

— Да, господин... что... ах да.

Майлс положил руку ему на плечо, прежде чем тот успел вскочить.

— Полегче, приятель. Итоговые экзамены на носу, да?

Мальчик покраснел и, опустив голову, наклонился, чтобы поднять учебник.

— Да, дон Майлс. А мне в последнее время не удастся выспаться.

— Я знаю, — ответил Майлс. — Он все еще там?

Мальчик снова кивнул:

— Насколько мне известно. Мне сообщить о вас?

— Пожалуйста.

Тот встал, расправил серую форму студента и поклонился. Затем тихонько постучал в дверь и открыл ее.

— Принцепс, — сказал он, — к вам пришел дон Майлс.

Наступило долгое молчание, затем мягкий голос ответил:

— Спасибо, студент. Пусть войдет.

Майлс вошел в покои для медитаций Первого консула, а мальчик закрыл за ним звуконепроницаемую дверь. Майлс опустился на одно колено и склонил голову, дожидаясь, когда Первый консул обратит на него внимание.

Гай Секстус, Первый консул Алеры, высокий мужчина с суровым лицом и усталыми глазами, стоял посреди выложенного плиткой пола. Хотя обладание водяными фуриями позволяло Гаю выглядеть так, будто ему около сорока лет, Майлс знал, что ему почти в два раза больше. Его волосы, когда-то темные и роскошные, за последний год заметно поседели.

На плитках под ногами Гая переливались разные цвета, возникали и пропадали постоянно меняющиеся картины. Майлс узнал часть южного побережья Алеры, возле Парсии, изображение замерло на мгновение, и тут же на его месте появились горные пустоши, находившиеся на дальнем севере, у Защитной стены.

Гай покачал головой и, помахав рукой в воздухе перед собой, пробормотал:

— Хватит.

Цвета погасли, и плитки превратились в самые обычные серые плитки пола. Гай повернулся и, тяжело вздохнув, опустился в кресло, стоявшее у стены.

— Что-то ты сегодня поздно не спишь, дон.

Майлс встал:

— Я был в цитадели и решил поздороваться с вами, принцепс.

— Ты спустился на пятьсот ступенек, чтобы со мной поздороваться? — удивленно спросил Гай.

— Я их не считал, правитель.

— И если я не ошибаюсь, тебе предстоит на рассвете провести инспекцию командования нового легиона. У тебя почти не осталось времени на сон.

— Да. Почти так же мало, как и у вас, принцепс.

— Ха, — только и сказал Гай, затем потянулся и взял со стола, стоявшего возле кресла, бокал вина. — Майлс, ты солдат, а не дипломат. Говори, что тебя привело сюда.

Майлс вздохнул и кивнул:

— Спасибо. Вы мало спите, правитель. На церемонии открытия Зимнего фестиваля вы будете выглядеть так, будто вас пожевал гаргант. Вам пора в постель.

Первый консул махнул рукой:

— Может, скоро я туда отправлюсь.

— Нет, Секстус, вам не удастся от меня отмахнуться. Вы проводите здесь каждую ночь вот уже три недели, и это становится заметно. Вам необходимы теплая постель, нежная женщина и отдых.

— К сожалению, я вряд ли получу что-нибудь из твоего списка.

— Проклятье, — заявил Майлс, сложив на груди руки и расставив ноги. — Вы — Первый консул Алеры и можете получить все, что пожелаете.

В глазах Гая промелькнула тень удивления, приправленного гневом.

— Моя постель вряд ли будет теплой, пока в ней находится Кария. Майлс, ты же знаешь, какие у нас отношения.

— А чего вы ожидали? Вы женились на глупом ребенке, Секстус. Она думала, будто ей предстоит эпический роман, а обнаружила, что получила вместо прекрасного принца высушенного старого паука, интересующегося только политикой.

Гай поджал губы, и теперь гнев в его глазах было уже ни с чем не спутать. Каменный пол у него под ногами заволновался, и стол рядом с креслом покачнулся.

— Как ты смеешь так со мной разговаривать?

— Так вы приказали мне, принцепс. Но прежде чем вы меня прогоните, подумайте хорошенько. Если бы я не был прав, разве мои слова вызвали бы у вас такой гнев? Если бы вы так не устали, показали бы вы мне, что мои слова вас разозлили? Вы сумели бы это скрыть.

Пол успокоился, и взгляд Гая стал еще более усталым, но менее сердитым. Майлс почувствовал, как его охватывает разочарование. В прежние времена Первый консул так легко не поддавался бы усталости.

Гай сделал еще глоток вина и сказал:

— А что, по-твоему, я должен сделать, Майлс? Скажи мне.

— Постель, — ответил Майлс. — Женщина. Сон. Фестиваль начинается через четыре дня.

— Кария не оставляет свою дверь открытой для меня.
— В таком случае заведите любовницу, — сказал Майлс. — Проклятье, Секстус, вам нужно расслабиться, а державе нужен наследник.

— Нет, — поморщившись, сказал Первый консул. — Возможно, я себя плохо вел с Карией, но я не стану унижать ее и заводить любовницу.

— Тогда добавьте в ее вино афродин и хорошенько ее от-
делайте, вы же мужчина.

— Я и не знал, что ты такой романтик, Майлс.

Тот фыркнул:

— Вы так напряжены, что воздух вокруг вас трещит, когда вы шевелитесь. А стоит вам пройти по комнате, как огонь в камине разгорается в два раза сильнее. Даже фурия столицы чувствует это, а вам совсем не нужно, чтобы консулы, которые приедут на фестиваль, догадались, что вас что-то беспокоит.

Гай на мгновение уставился в свой бокал с вином, а потом сказал:

— Ко мне снова вернулись те сны, Майлс.

Беспокойство пронзило Майлса, точно физическая боль, но он постарался скрыть его и не показать своих чувств Первому консулу.

— Сны. Вы же не ребенок, чтобы бояться снов, Секстус.

— Это больше чем обычные кошмары, Майлс. Рок посетит Зимний фестиваль.

Майлс заставил себя заговорить так, чтобы в его голосе прозвучало презрение:

— Вы стали предсказателем, принцепс, вы предвидите смерть?

— Не обязательно смерть, — ответил Гай. — Я употребил старое слово. Рок. Судьба. Фатум. Вместе с приближением Зимнего фестиваля к нам приближается Рок, и я не могу разглядеть, что прячется за его спиной.

— Нет никакой судьбы, — заявил Майлс. — Ваши сны начались два года назад, но государство продолжает существовать, и никакие силы его не уничтожили.

— Благодаря одному упрямому подпаску и отваге ополченцев. Мы чудом спаслись. Но если тебе не подходит слово «судьба», можешь назвать это моментом отчаяния, — сказал Гай. — История полна такими мгновениями, когда судьбы тысяч людей находятся в равновесии, которое легко нарушить в ту или иную сторону руками и волей тех, кто готов это сделать. Трагический час приближается. Нынешний Зимний фестиваль изменит путь государства, и будь я проклят, если я знаю как. Но это грядет, Майлс. Оно приближается.

— В таком случае мы с этим справимся, — сказал Майлс. — Но будем разбираться с проблемами по очереди.

— Именно, — сказал Гай, встал со своего кресла и вернулся на мозаичные плитки, позвав за собой Майлса. — Давай я тебе покажу.

Майлс нахмурился, глядя, как Первый консул снова провел рукой над плитками. Он ощутил едва уловимый шепот силы, струящейся сквозь плитки, фурии со всех концов страны ответили на призыв Первого консула. На полу появилась созданная фуриями разноцветная карта, и вскоре у Майлса возникло ощущение, будто он превратился в великана, стоящего над призрачным образом цитадели Алеры — столицы государства Алера. У него закружилась голова, когда картинка затуманилась и помчалась на запад, в сторону великоленной холмистой долины Амарант, перебралась через Черные холмы к побережью. Она стала ярче, четче, превратившись в живое изображение моря, где бушевал яростный шторм.

— Вот, смотри, — сказал Гай. — Восьмой ураган за эту весну.

Майлс помолчал несколько мгновений, а потом вздохнул:

— Ужасный.

— Да. Но еще не самый худший. Они делают их все страшнее и страшнее.

Майлс резко вскинул голову и посмотрел на Первого консула:

— Кто-то напускает на нас эти штормы?